

* * *

Стоило рот раскрыть – и понеслись слова:
«Крыша», «фундамент», «сруб» – вот и готовый дом.
Передохнул, сказал: «небо» и «синева» –
Заколыхался луг, облачко над прудом...
Стал говорить: «Жену! Мужа потолще ей!
Им – пятерых детей да семерых котят!»
После устал, уснул и в голове своей
Этот сюжет держал: «Рыбу они копят,
Пряжу они прядут, хлебы пекут с утра,
Шумная детвора рушит непрочный дом,
Прыгает и визжит – вот и уже пора
Ветру погнать на юг облачко над прудом...»
Вот и проснулся – вот мимо летят слова:
«Крыша», «фундамент», «сруб» – и улетает дом.
Это соседский бог вновь победил (3:2),
Переманив к себе облачко над прудом.

* * *

Страшно брать музыку из самого себя:
Яма становится больше, а песня – злей.
Глубже копнёшь – вне сомненья, прорвётся плоть,
А не копнёшь – без сомненья, взорвётся мир.

Ты не учился в школе, чтоб не бурить
Скважины по соседству, не пить из них.
Ниточкой вьётся жизнь, только эта нить
Тянется из тебя, из последних жил.

* * *

Слова превращают меня не в меня –
И вот невменяема речь.
Поди отличи водопад от огня:
Их разницу не уберечь
В сознании зыбком: седой туман
За горной течёт рекой.
И холоден воздух, и ветер пьян,
А ты мне меня открой.

* * *

Я столько раз теряла облака –
Роняла их в холодное окно,
Что мне не доверяют и закат,
И знойный ветер, и муссоны, но
И дуракам, случается, везёт –
И кто-то в уши им вливает шум
Чужих морей. И дурака несёт
С собою шум, с собой уносит ум,
Потом способность слышать, видеть сны,
Лежать на солнцепёке, песни петь,
Раскрашивать оранжевым блины
И приносить с собой дурную весть.

И дураку случается терять
Себя, как облака, и слёзы лить,
Покуда не иссякнут, втихаря,
А вслух – воздушный шар тянуть за нить.
А в шаре тихо плещутся моря,
Ни слова никому не говоря.

* * *

Подошвы твоих сапог мудрее тебя самого:
Глазами они идут по скалам, пескам, камням.
Вот это – открытый взор, когда не пугает пыль,
Когда не боишься ран, а просто: идёшь, глядишь.

А ты-то уверен сам, что высмотрел каждый шаг,
Что землю познал на вкус, как кухни далёких стран,
Что не закрывал глаза, что в этот короткий миг
Никто от тебя змеёй текучей не уползал?

Подошвы твоих сапог тебя тяжелее, друг:
Нагруженного несли (от пяток и до бровей) –
Цитатами умных книг, годами ненужных битв,

Пустотами тысяч слов и пеной ста тысяч дней.

А ты-то уверен сам, что сможешь теперь поднять
Отжившие сапоги, отправить в иной поход?
Кто топит в воде, кто жжёт – тот сам слишком много жил,
Ты рядом ложись, мой друг, авось, и черёд придёт.

* * *

Я повесила на шею будильник.
Время – бремя (и знамя, и пламя).
И секунды теперь иные –
Не летучее нашейного камня.
Это был мой колоко-колокольчик,
Толокло и толокло меня время,
А потом пришёл весёлый молочник:
«Молоко-то утекло» (время – семя).
Но от времени тяжёлого только
Не осталось совсем толку.
Время – бремя, теперь безвременно
Только им и ходи беременной.

Колоко – мой нашейный камень,
«Кло-кло-кло», – говорит под ногами.
И будильник, хоть глуп, всё же гнёт:
Так согнёт тебя – и тик не разогнёт.

* * *

Детская комната появилась немного позже,
Чем я перестала называть себя ребёнком:
Стала стыдиться детства.
У меня по соседству жили зайцы да ёжики,
Но это – про юность комом:
Не за что зацепиться сердцу.
В этой детской недетской самым прекрасным
Был подоконник шириной в кровать.
Я мечтала спать на нём не одна, но не умела и просто спать.

* * *

Я бы хотела смотреть на тебя сквозь стекло,
Но не холодный, осенний, ноябрьский этот воздух.
Станет экватором меж полужизнями «холод» – «тепло»
Наше окно – в паутине, и брызгах, и звёздах.
Странно подумать, но крест этот непрекратим:
Влево и вправо – земля, вглубь – столетья,

Ввысь – тишина, о которой сегодня молчим,
И пустота, приютившая смерть и бессмертье.
И перекрёсток пустынь: только крылышки мух,
Лист прошлогодний да пыль просочились под раму.
Дом безрассудный простыл, нас избавя от мук
Щели замазывать варью (как с бабушкой, с мамой).
Странно представить: теперь и окно без креста,
И пустота – пустота, и простор ограничен.
Я всё смотрю на тебя: ты болезнен, устал.
Я всё надеюсь: не кончится смертью больничный.

* * *

Рассыпается дом прошлогодним осиным гнездом.
Вот и дробь за окном: не к добру, не к добру, не к добру.
Это ветки стучат про того, кто мне не был знаком,
Кто, наутро узнаю, останется ввечеру.
Поздороваться выйду: прости, что уже не вчера,
Что уже никогда не ответишь на «добрый день».
Я за створками век твоих навсегда черна,
Впрочем, лень говорить и молчать отчего-то лень.
Рассыпается дом, заселён незнакомцами. В нём,
Как в осинном гнезде, только гул, только гул, только гул.
Если взор ещё ёмок, впиши и меня в окоём,
Чтобы твой броневзгляд и меня защитил от пуль.

* * *

Слова кончаются внезапно – как сахар, как чай:
Сиди теперь, молчи до лучших времён,
По коробу скреби да словарь изучай,
Засматривай до дыр оконный проём.
Ты думаешь – слова, а кончаешься ты:
Неназванного нет, бессловесного нет.
Давай же, перечитывай пустые листы,
Ощупывай, как деньги, да смотри на просвет.
И после – через тридевять бескрылых тишин,
Когда уже покажется: словарь пересох.
Из сахара и чая вдруг поднимется жизнь –
И приземлится строчкой на смятый листок.